

## **Двери восприятия.**

*Рассказ об акции Андрея Монастырского «Убраться», проходившей в лесу у Киевогородского поля 17 мая 2021 г.*

Хотя эта и две предыдущие акции, на которых я присутствовал проходили летом или весной, мое представление об акции КД долгое время было таким: мужчины в шапках-ушанках и женщины в шубах едут на электричке в заснеженное поле чтобы там своими силуэтами сформировать визуальный контрапункт белому пространству. Этот образ, как мне кажется, суммируется в стихотворении Андрея Монастырского следующим образом:

Мы все в долине холодеем  
Как бы не зная ничего  
Мы в зимних шапках у Андрея  
Сфотографированы о

Наверное, имеются ввиду фотографии одного из постоянных членов КД Андрея (Игоря! – ам) Макаревича. Так я долгое время представлял себе акции КД несмотря на то, что даже мой личный опыт перестал соответствовать этому представлению.

И в этот раз опыт акции начинался в полемике с этим образом. В компании Паши, Светы, Сони и Максима мы выехали в районе двенадцати из поселка Николина Гора в направлении Лобни. Втроем мы ютились на узеньком заднем сидении кроссовера мерседеса. Немного петляя и остановившись по дороге в пустынном не брендовом ТЦ (подробнее об этом эпизоде в отчете ПП), мы достигли нашего пункта назначения, находившегося на границе леса и какого-то поселка. Расстояние между местом высадки и лесом, у кромки которого стоял АМ и махал нам рукой, мы преодолели через заросшее травой поле в расширенной компании прибывших одновременно с нами Иры Кориной и Анны Ермолаевой. На входе в лес, кроме Андрея, нас поджидали и другие участники, среди которых я узнал Никиту Василенко, Оксану Саркисян, Сергея Ситара, Андрея Кузькина, Дашу Новгородову, Арину Аттик и Витю Осипова. Все были рады друг друга видеть и, когда Паша открыл вино, энергия встречи выплеснулась и, на короткое время, компания зажужжала и завибрировала.

Дождавшись таким образом опаздывающих «пожилых» (термин АМ, подробнее об этом в отчете Никиты Василенко), мы выдвинулись в лес под предводительством АМ. Несмотря на свою непосредственную близость к поселку, лес был практически девственным. Нам приходилось огибать заросли кустарника, придерживая ветки, чтобы они не угодили в лицо позади идущим, и переходить заболоченные участки по лежащим в них стволам мертвых деревьев, что вызывало недовольство некоторых участников. Поскольку изменение модальности происходящего из гедонистической в событийную было столь же неожиданным сколь незаметным, я не успел задуматься о значении этого пути в контексте акции. Тогда еще я немного сожалел о своем привычном мировосприятии и разделял и скепсис Сергея Ситара (он пишет о нем в своем эссе) по поводу возможности его трансформации во что-то иное. Так я шел вместе со всеми по лесу, ни на что другое не надеясь и не ожидая ничего увидеть впереди. Хотя, когда перед походом Андрей спрашивал участников об их ожиданиях от акции, я сказал, что жду появления чего-то, на самом деле у меня не было никакой картины того,

что может произойти, я лишь тайл скромную надежду на изменение восприятия происходящего.

Закончился поход также неожиданно, как и начался. В силу сложности маршрута, колонна участников растянулась метров на двести. Потеряв из вида Свету, Пашу и всех знакомых, какое-то время я шел один, пока не оказался перед АМ и частью группы, ожидавшими остальных у места со следами стоянки человека, располагавшегося на расстоянии метров двадцати-тридцати от границы леса с Киевогорским полем. То есть эта стоянка располагалась не совсем на границе, а немного в лесу и оттуда, кажется, можно было видеть поле сквозь деревья. Довольно скоро после моего прибытия подошли остальные и АМ начал рассказывать об определенной практике дзогчен, связанной с реализацией радужного тела, в ходе которой физическое тело монаха исчезает, оставив после себя одежду. В качестве иллюстрации или доказательства этой практики, АМ обратил наше внимание на лежавшие у его ног вещи. Возможно, они были оставлены кем-то и обнаружены АМ при подготовке к акции. Возможно АМ специально оставил их на этом месте, например, предыдущей осенью чтобы обнаружить их грязными и слежавшимися к моменту начала акции. Так или иначе, Андрей предложил убрать эти вещи в заранее подготовленные пластиковые пакеты. Позже в отчетах я обнаружил, что акция называлась «Убраться». Помогать вызвались Андрей Кузькин и Сергей Ситар. Они наполняли грязной, но еще не сгнившей одеждой, пакеты. АМ помогал и руководил их действиями, продолжая рассказывать про радужное тело и упомянутую дзогчен практику. В своем тексте об акции, Ситар описывает процесс дефиле, совершенно выпавший у меня из памяти, в ходе которого Андрей Кузькин демонстрировал зрителям одежду, доставаемую из кучи, тем самым вовлекая их в обсуждение вещей, их происхождения и бывших владельцев.

По мере наблюдения, у меня включилась определенная антропологическая оптика и я стал смотреть на эту сцену как на некий жреческий мастер-класс или ритуал передачи тайного знания или опыта. Происходившее стало напоминать мне чтение «Золотой ветви» Фрэзера, а разворачивающийся передо мной ритуал представал в виде комментария, призванного объяснить происхождение и смысл другого ритуала или обычая, возможно, с ним напрямую не связанного. Подобно тому, как я шел через лес в середине колонны, не видя ее начала и конца, я наблюдал некий текст, который говорил о каком-то другом тексте, мне не известном. Но, если Фрэзер пытался объяснить конкретный обычай (способ наследования должности жреца Дианы Немийской) с помощью других обычаев, практик и ритуалов, то Монастырский, видимо, говорил через свой ритуал о предшествующих ему событиях или явлениях из той же полускрытой от меня сферы символического. Это подтверждается текстами об акции, но отсылал ли этот ритуал в конечном итоге к какому-то единичному первоначальному событию или нет - мне не известно. Станным образом, эта неполнота знания не помешала мне испытать то самое изменение состояния, на которое я надеялся. Более того, нарочитая несерьезность этого ритуала, на которую обратил внимание Ситар в своем эссе, каким-то образом нарушила мое сложившееся не-ожидание. Происходило нечто противоположное логике Фрейда, описывающей юмор как прорыв бессознательного в сознание путем нарушения сформированных ожиданий. Здесь же, по крайней мере для меня, АМ сделал все, чтобы не сформировать никаких ожиданий от акции, а затем разрушить это не-ожидание. Такая инверсия представляется мне

диалектическим дополнением фрейдистской теории юмора и действует как парадоксальная или дзенская шутка, пробивающая застывший канал восприятия и открывающая какую-то новую оптику. По всей видимости, я провалился в щель между противоположностями, где ощутил сопричастность с традициями, к которым я, строго говоря, не принадлежу. Что-то похожее, наверное, переживает антрополог, проводя полевое исследование. Возникает позиция полу-вовлеченности, исследователь как бы расщепляется на две неравные части: его тело и эмоциональный интеллект становятся частью события, при этом аналитический ум работает извне, из того места, в который направлено его исследование. Однако, в моем случае не было никакого «извне» - я ни к чему не готовился, не собирал материал для работы, ни о чем не думал и ни на что не надеялся, я просто присутствовал в этих местах, в которых я никогда не был и практически ничего о них не знал.

Этого полу-сосредоточенного присутствия, по-видимому, было достаточно для краткосрочного снятия оков восприятия. Возвращение к обыденному сознанию сопровождалось некоторым похмельем, не позволившим мне вовлечься в происходившую в дальнейшем игру с блесной, свисающей с дерева над ямой, в которой, по свидетельствам других участников, были закопаны книги (по другой версии – часы) и отрефлексировать обратный путь с мусорными мешками, повязанными узелками на ветке. Я как бы завис на моменте собирания одежды, пытаюсь ухватиться за возможность видеть другим зрением, но, едва приоткрывшись, она сразу же захлопнулась.

Дмитрий Венков, 12 августа 2021 г.